

- Ай-яй, жалко-то как, жалко... и так ведь сироты да вдова, в доме ни одного взрослого мужчины, на которого можно опереться, а теперь и старшего сына не стало, как же Ланьфан дальше жить будет?

- Её жалко? Да я считаю, что куда жалостнее его супруг-гэра! В самом цвете лет и уже вдовцом остался, эх... горе-то какое!

- Не поймёшь, чем уж семья Цинь прогневила Небесного владыку: с одной стороны - старая вдова, с другой стороны - молодой вдовец-гэр, да ещё двоих малых тянуть... глядишь, впереди одна сплошная тяжёлая жизнь.

...

У Лю Гуюя раскалывалась голова, боль была такой, словно вот-вот разорвёт её надвое; перед глазами стояла непроглядная тьма, ноги подкашивались, будто он ступал по облакам. В ушах стоял шум - множество голосов, перебивающих друг друга; говорили с каким-то странным акцентом, не поймёшь, из каких краёв этот говор. Звучало непривычно, но, что странно, всё было понятно.

Лю Гуюй покачнулся; в тот миг, когда он уже готов был рухнуть лицом вперёд, он поспешно ухватился за стоящий позади деревянный шкаф и удержал равновесие. Шкаф был ветхий: стоило лишь коснуться его, как с него сразу осыпалась целая пригоршня древесной пыли.

Лю Гуюй простоял так довольно долго, прежде чем мутная тьма перед глазами понемногу рассеялась, и он начал различать свет. Сейчас он находился в ветхой комнате с серыми стенами; над головой - крыша, крытая соломой, слева - большое окно, заклеенное серовато-белой бумагой, в которой зияла дыра, и через неё с воем врывался ветер.

Глиняные стены были покрыты неровными, зубчатыми трещинами; у стены стояла узкая деревянная кровать, одеяло на ней было аккуратно сложено, а сверху лежала плетёная из лозы корзинка для шитья, внутри которой смятым комом лежала старая одежда с наполовину пришитой заплатой.

Бедно, но прибрано... только ведь это не его дом?! Когда это он успел поучаствовать в «Преображении»?!

Такова была первая мысль Лю Гуюя.

Он моргнул, и в следующий миг вдруг заметил в контровом свете тёмного силуэта маленькую фигурку. Здесь кто-то есть?!

Лю Гуюй вздрогнул от неожиданности и машинально отступил на шаг назад, но пяткой с силой ударился о ножку шкафа, от боли оскалившись. Почти одновременно в его голову, словно

приливной волной, хлынули чужие воспоминания, распирая её до раскалывающей боли, будто череп вот-вот взорвётся. Лишь спустя долгое время он смог разобраться - всё это были воспоминания прежнего хозяина тела, «Лю Гуюя».

И именно в этот момент Лю Гуюй окончательно осознал: он переселился в книгу, в древний роман о придворных интригах, став персонажем с тем же именем, отвратительным гэрмом.

Что же касается человека перед ним...

Едва он об этом подумал, как из тени вышла худощавая фигурка - мальчик лет двенадцати-тринадцати; черты его ещё не до конца сформировались, но уже отличались изяществом: ясные брови, тонкие черты лица, алые губы и белые зубы - в нём уже угадывалась будущая утончённая красота.

Цинь Жунши - главный злодей книги.

А прежний хозяин тела был его вдовствующей невесткой: в день, когда пришла весть о смерти мужа, он украл из дома все деньги и сбежал - это были последние сбережения семьи Цинь. Из-за утраты этих средств Цинь Жунши лишился возможности учиться, а после болезни матери не нашлось денег на лечение. В конце концов мать умерла, и Цинь Жунши, взяв с собой свою младшую сестру-близнеца, покинул деревню; по счастливому стечению обстоятельств он спас одного высокопоставленного чиновника, был принят им в приёмные сыновья и отправлен учиться. С этого и начался его путь злодея.

Что же до прежнего хозяина тела... поскольку он оскорбил главного антагониста, Цинь Жунши разыскал его и подверг жестоким мучениям, отчего он и погиб в страшных страданиях.

Лю Гуюй смотрел на стоящего перед ним мальчика: тот казался маленьким и худым, из-за длительного недоедания выглядел слабым - тонкие руки и ноги, даже рост не соответствовал тринадцати годам, но Лю Гуюй смотрел на него как на волчонка.

Цинь Жунши стоял, опустив руки, и без выражения смотрел на него:

— Старшая невестка.

... Старшая невестка. Стоило Лю Гуюю услышать это обращение, как по коже побежали мурашки: в этом мире существовало три пола - мужчины, женщины и гэрмы; последние внешне походили на мужчин, но были более хрупкими и обладали способностью рожать детей.

Как назло, Лю Гуюй как раз и оказался тем самым гэрмом, способным рожать детей.

Он натянуто усмехнулся, сухо хохотнул пару раз и, глядя на стоящего перед ним Цинь Жунши, сказал:

— Ха-ха... второй брат, а ты чего сюда зашёл?

В книге прежний хозяин тела, когда крал деньги, тоже был застигнут Цинь Жунши, но, пользуясь тем, что был старше и сильнее, оглушил его глиняным кувшином, а затем с деньгами сбежал без следа. К счастью, в той суматохе он не ударил в полную силу, иначе от такого удара по голове можно было бы нанести серьёзный вред; боюсь, в тот день мать Цинь получила бы сразу две дурные вести.

Цинь Жунши скользнул взглядом по руке Лю Гуюя, спрятанной за спиной, и, не меняя выражения лица, продолжил спрашивать:

— Что старшая невестка делает в комнате моей матери? И что у тебя в руке?

Проследив за его взглядом, Лю Гуюй только теперь заметил, что в его руке уже зажат мешочек с деньгами.

Он замялся:

— Э-э... это... ну...

Ну разве может быть такая невезуха?! Он всего лишь читал роман!! Просто проголодался во время чтения и съел чашку лапши быстрого приготовления!! Просто слишком торопился и подавился ею!! Так с чего это он очнулся уже здесь?! Да ещё и в роли злодейского пушечного мяса?! Неужели он подавился лапшой и умер?!!

Ах... ну и позорная же смерть!!

Увидев, что Цинь Жунши всё ещё пристально смотрит на него, Лю Гуюй невольно вспомнил трагическую судьбу прежнего хозяина, и в его голове мгновенно всплыли «сто способов смерти Лю Гуюя».

Он тут же поспешил выкрутиться:

— Я-я-я... я просто хотел посмотреть, сколько денег осталось... после похорон твоего брата ведь ещё нужно оставить тебе на учёбу, я... я просто боялся, что не хватит...

Ложь была слишком неуклюжей - очевидно, Цинь Жунши не поверил; он слегка прищурился, и на его ещё детском лице проступила несоразмерная возрасту холодная глубина.

И как раз в этот момент снаружи вдруг снова донёсся шум голосов.

— Ай, Бань-Бань, скорее... скорее держи свою мать! Она сейчас в обморок упадёт!

Стоило в словах прозвучать упоминанию о матери Цинь, как на лице Цинь Жунши наконец появилось беспокойство; он напоследок бросил на Лю Гую взгляд, полный неприязни, и, развернувшись, поспешно выбежал наружу.

Лю Гуй облегло облегчённо выдохнул и, убедившись, что в комнате никого нет, пробормотал себе под нос:

— Да уж, что-то слишком уж мистическое... как это вообще могло со мной случиться! ...А может, я на самом деле главный герой?!!

Продолжая бормотать, он положил мешочек с деньгами обратно в шкаф, после чего тоже поспешно вышел наружу. Во дворе оказалось немало людей, многие пришли просто поглазеть. В центре стояла женщина с бледным лицом; Цинь Жунши и девочка примерно его возраста поддерживали её с двух сторон, а одна добросердечная тётушка подтащила табурет и, тихо обратившись к брату и сестре, сказала:

— Эй, скорее усадите вашу мать, пусть передохнёт немного.

Цинь Жунши поблагодарил её и вместе с младшей сестрой помог матери сесть. Лицо матери Цинь было белым, как бумага; губы её дрожали, а взгляд был прикован к предмету, лежащему на земле. Это была окровавленная одежда и сломанный нож - вещи, оставшиеся от старшего сына семьи Цинь.

Несколько лет назад, когда двор объявил набор в армию, старшего сына Цинь забрали на службу, и с тех пор от него не было ни вестей, ни слухов. В последнее время в деревню один за другим возвращались отслужившие мужчины, но среди них не оказалось Цинь-далана. Тогда мать Цинь уже начала догадываться о худшем, но, не получив точного известия, всё ещё таила в сердце слабую надежду, думая, что её сын просто задержался в пути.

Однако сегодня в деревню явился чужак, назвавшийся сослуживцем Цинь-далана, и сказал, что пришёл передать его вещи. Мать Цинь не узнала сломанный нож, но она узнала ту окровавленную одежду - именно в ней её старший сын уходил из дома, и сшила её она сама.

Получив столь внезапную весть о смерти, мать Цинь, казалось, даже не могла заплакать, она лишь оцепенело смотрела на лежащие на земле одежду и нож.

Цинь Жунши же был куда более сдержан: будучи ещё совсем юным, узнав о гибели родного старшего брата, он не проявил чрезмерного горя - в глубине его глаз читалась холодность, несвойственная обычному человеку. Он отвёл взгляд от земли и в конце концов остановил его на Лю Гую, который как раз вышел из комнаты.

Услышав и увидев состояние матери Цинь, тот чужак лишь тяжело вздохнул: в их лагере погибло слишком много товарищей, и, разъезжая с поручением передавать вещи, он повидал немало стариков, рыдающих так, словно сердце и внутренности разрываются, но всё равно не знал, как их утешить.

Боль утраты сына - разве её можно облегчить словами?

Он снова вздохнул и, наконец, вынул из-за пазухи два серебряных слитка, сказав:

— Это выданное сверху пособие... тётушка, примите.

Два округлых серебряных юаньбао сияли холодным блеском; у многих присутствующих глаза невольно прилипли к ним, но стоило вспомнить, какой ценой достались эти деньги, как люди один за другим лишь тяжело вздыхали. Этим десяти ляннам серебра никто не завидовал.

Мать Цинь широко раскрыла глаза, дрожащей рукой потянулась принять деньги, но в следующий миг ее глаза вдруг закатились и она, потеряв сознание, повалилась назад.

— Тётушка?!

— Мама!!

— Ай-яй, Цинь! Цинь!

— Сестра Ланьфан!

...

Во дворе сразу поднялась суматоха, люди в панике задвигались; Лю Гуй тотчас протиснулся вперёд, перехватил женщину из рук Цинь Жунши и, не обращая внимания на пыльную землю, уложил её прямо на землю, приподняв ей голову.

Затем, размахивая руками, он громко сказал:

— Разойдитесь, разойдитесь немного... если все навалится, кислород не проходит!

Он так спешил, что вовсе забыл: люди в древности и понятия не имеют, что такое «кислород». Однако Цинь Жунши, по-видимому, понял смысл сказанного - он сразу же оттянул за собой стоящую рядом сестру на пару шагов назад и крикнул окружающим крестьянам, чтобы те расступились.

Лю Гуюй, не прекращая говорить, протянул руку и нащупал пульс матери Цинь, затем наклонился и прислушался к биению её сердца в груди. К счастью, хотя дыхание было слабым, сердце продолжало биться ровно.

Лю Гуюй облегчённо выдохнул и, повернув голову, крикнул в сторону зевак:

— Где лекарь Ван? Лекарь Ван здесь есть?

Врач Ван был в деревне так называемым «босоногим лекарем» - к нему обычно обращались при любой мелкой хвори вроде головной боли или жара.

Услышав это, Цинь Жунши бросил на Лю Гуюя взгляд, затем опустил глаза на стоящую рядом младшую сестру Цинь Баньбань, у которой от страха уже покраснели глаза, тихо что-то ей сказал и, сорвавшись с места, побежал за лекарем.

Вскоре доктор Ван прибыл; поглаживая бороду, он пощупал пульс и, в конце концов, лишь вздохнул и стал без конца качать головой. От этого Цинь Жунши и Цинь Баньбань перепугались не на шутку: оба побледнели, как полотно, а девочка даже поджала губы, будто в следующий миг готова была разрыдаться.

А вот Лю Гуюй, наоборот, широко раскрыл глаза - он, по крайней мере, читал книгу и знал, что мать Цинь в итоге умрёт от болезни, но не сейчас; потому он сразу резко сказал:

— Что с человеком, говорите прямо! Зачем всё время головой качать?!

Лекарь Ван всё так же качал головой, но всё же ответил:

— У твоей матери давняя болезнь, я её вылечить не могу. Лучше отвезти её в медицинский зал в городе, пусть тамошние врачи посмотрят... только вот...

Только вот лекарства дорогие, того и гляди, разорят всю семью, а страшнее всего, если деньги уйдут, а человека всё равно не спасут. Последнюю фразу лекарь Ван не решился произнести вслух, лишь снова покачал головой и тяжело вздохнул.

Но Лю Гуюй выпрямился и, не колеблясь ни мгновения, решительно сказал:

— Баньбань, беги в главный дом, достань из шкафа все деньги, что есть! Эрлан, ты иди к старосте, одолжи телегу, быстро! Повезём мать в город лечиться!

Цинь Жунши почувствовал странность - ему показалось, будто Лю Гуюй внезапно стал совсем другим человеком, но сейчас было не до раздумий: он уже сделал шаг, собираясь бежать, как вдруг его схватила за руку одна женщина.

Это была как раз та самая тётушка, что прежде помогла принести табурет; она схватила Цинь Жунши за руку и сказала:

— Мальчик Цинь, у тётушки есть ослиная повозка, пойдём ко мне - возмём её! До дома старосты отсюда далеко, пока сбегаешь туда и обратно, только время потеряешь!

В её словах был резон, и Цинь Жунши поспешно поблагодарил её, после чего вместе с ней торопливо вышел за ворота. Вскоре они пригнали повозку; во дворе поднялась суета - все принялись в спешке помогать, и вскоре мать Цинь уложили в повозку. Лю Гуюй, взяв с собой Цинь Жунши и Цинь Баньбань, поспешил в сторону города.

<http://bllate.org/book/17177/1608097>